

Анна Колпакова

18+

КАЖДАЯ ЖЕРТВА ДОСТОЙНА ИДЕАЛЬНОГО УБИЙСТВА

Анна Колпакова

**Каждая жертва достойна
идеального убийства**

«Издательские решения»

Колпакова А.

Каждая жертва достойна идеального убийства / А. Колпакова —
«Издательские решения»,

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.** Вена — город величественной архитектуры,
классической музыки и... идеальных убийств. Искусственный интеллект,
внедрённый для анализа страховых событий, выдаёт тревожный вывод:
пять смертей не были случайными. Нолан Харт приезжает сюда проверить:
алгоритм ошибается или в городе действует идеальный убийца? Неужели
машина видит то, чего не замечает человек — и уже знает, кто станет
следующей жертвой? Книга содержит нецензурную брань.

© Колпакова А.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6	25
Глава 7	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Каждая жертва достойна идеального убийства

Анна Колпакова

© Анна Колпакова, 2026

ISBN 978-5-0069-8409-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Я как-то услышал одну мысль. Она въелась мне в мозг, как застрявший между зубов кусок мяса. Мысль о том, что твоё тело — это единственный настоящий дом, который тебе дан при жизни. Не съёмная хибара, не мотель на ночь, а постоянное жильё. Сколько бы ты ни пытался переехать, конечный адрес всегда один. Конечно, ты можешь попытаться выселиться, но это уже не переезд — это самоубийство.

Подумайте сами: тело — это твоя квартира. Только без права на продажу (древнейшая профессия не в счет).

Без соседей, которые могут заехать и съехать. С планировкой, которую ты не выбирал.

Ремонт? Только если у тебя есть зашибенная страховка. Трещины в стенах — это морщины, скрип половиц — боль в суставах. Иногда проводка коротит, и ты забываешь, куда положил ключи или как тебя зовут.

А кто-то живёт в своём теле, как в элитном пентхаусе. У таких всегда белоснежные зубы, кожа натянута, как дорогой натяжной потолок, а если что сломается, они просто вызывают бригаду хирургов и чинят всё на месте. Завозят стройматериалы: ботокс, филлеры, стволовые клетки.

У меня же дом, в котором никто не делал капитального ремонта с момента заселения. Внутренние трубы проржавели настолько, что каждое утро я ощущаю, как что-то скрипит и хрустит под кожей — как старые батареи в заброшенном доме, где тепло стало лишь далеким воспоминанием. Время, этот безжалостный квартирант, уже оставило свои следы на стенах — глубокие морщины на лбу, темные тени под глазами, похожие на плесень в углах потолка.

Я уже не помню, когда в последний раз не чувствовал боли при малейшем движении.

Просыпаюсь — ноющее сердце, как будто кто-то сжал его в кулаке и медленно выкручивает. Встаю с кровати — ноги ватные, как старый бинт, пропитанный чем-то тёмным и подсыхшим. Дохожу до ванной, смотрю в зеркало, и мне кажется, что кто-то внутри меня уже давно умер, а я просто таскаю этот разлагающийся труп, маскируясь под живого.

Я не ем. Я закидываю в себя калории.

Я не сплю. Я просто выключаюсь, как телефон с дохлой батареей.

Я не отдыхаю. Я жду, пока тело перестанет сопротивляться и позволит мне хотя бы ненадолго забыть, что оно разваливается.

Я слышу, как люди говорят, что боль — это просто сигнал от мозга. Просто электрические импульсы. Просто? Будто боль можно выключить, как лампочку.

Будто можно проснуться однажды утром и почувствовать себя хорошо.

Но сегодня я чувствовал себя так херово, что, возможно, встретался с Создателем. Или, что более вероятно, с техподдержкой потустороннего мира — каким-то уставшим ангелом-стажёром, который смотрел на меня, как оператор кол-центра на клиента, звонящего пятый раз подряд, и думал: «Блин, ну почему этот придурок ещё жив?»

Я очухался в мусорном баке.

Темнота и вонь. Идеальное сочетание для пробуждения. Каждый вдох обжигал легкие смесью гнили, кислого пива и чего-то, что, вероятно, когда-то было едой, а теперь превратилось в субстанцию, для описания которой мой словарный запас слишком скудный.

На моей щеке застыло что-то липкое. Если бы я был оптимистом, то решил бы, что это джем.

Чуваки, которые меня сюда запихали, были уверены, что я сдох. И знаете, я почти согласился с ними. На секунду мне даже стало обидно: могли бы хотя бы проверить пульс, написать милое прощальное сообщение на асфальте. Но нет. Вместо этого кто-то кинул мне на грудь недоеденный бургер.

Я пошевелил пальцами. Потом ногами. Попробовал встать, но тело ответило отказом.

И тогда я услышал голос сверху:

— Братан, если ты сейчас превратишься в зомби, просто заранее знай, что я в тебя швырну кирпич.

Как я докатился до такого дна, я обязательно расскажу.

Но пока просто запомните одну вещь.

Никогда, ни при каких обстоятельствах, не доверяйте Бобу.

Глава 2

Да, прошу прощения за свои манеры. Забыл представиться.

Зовут меня Нолан Харт. Хотя по большей части ко мне обращаются «Чувак, какого хрена?» или «Господи, опять?» — зависит от ситуации.

Я человек, который заходит в бар только для того, чтобы «выпить один стаканчик», а выходит через три дня, без денег, с чужой курткой и новыми моральными травмами. Лицо — карта жизненных маршрутов, где каждая морщина — это дорога, по которой мне не следовало идти. У меня такой вид, будто я постоянно на грани — не то чтобы умереть, но хотя бы потерять сознание в подходящем месте. Глаза с вечной краснотой, будто я каждое утро целуюсь с сигаретным дымом — тонкая сетка капилляров, словно паутина, в которой запуталось мое зрение. Волосы, которые выглядят так, будто я их причесал пьяной рукой где-то между сном и похмельем — спутанные, несдающиеся, как моя жизнь.

Я пью. Я пью много. Но каким-то чёртовым образом это не отражается на моём теле. Да, лицо помятое, глаза красные, но нет классического пивного пуза, нет трясущихся рук и опухших пальцев. Врачи назвали бы это «метаболическим феноменом». Бармены называют это «Нолан, да ты, походу, вообще бессмертный».

Дело в том, что алкоголь для меня — это не разрушение, а поддержание. Я уверен, если перестану пить, моё тело развалится на куски, и все эти бутылки, которые я опустошил за свою жизнь, держат меня в форме, как алкогольный экзоскелет. Виски заполняет пустоты между мыслями, смазывает суставы памяти, вымывает ненужные эмоции, оставляя только рабочий минимум.

Мои мышцы не накачаны, но они есть, будто в прошлом я был спортсменом, который в какой-то момент решил, что пьянство — тоже вид спорта. Руки жилистые, ноги крепкие, и даже когда я падаю, я всегда приземляюсь так, чтобы минимизировать урон. Как кошка, которая бухала три дня подряд, но всё равно умудряется не расшибиться.

Когда меня спрашивают, почему я столько пью, я отвечаю просто:

— Вода вредная. В ней живут бактерии.

А потом заказываю ещё одну порцию виски, и жидкость в стакане мерцает в полутьме бара, как янтарь, в котором застыли мои лучшие намерения.

Вы когда-нибудь слышали про гены ADH1B и ALDH2? Нет? Ну и правильно. Это знания, которыми обычно обладают трезвенники и биологи-неудачники, которые читают статьи про алкоголизм, потому что в их жизни нет ничего интереснее, чем исследования печени.

Но если коротко, ADH1B — это такой внутренний бармен. Он берёт спирт, взбалтывает его с желудочным соком, процеживает через печень и подаёт тебе прямо в кровь. Если у тебя этот ген работает слишком быстро, твой бармен психопат, который наливает тебе смертельные коктейли в три раза быстрее, чем ты можешь их переварить. Ты краснеешь, тебя тошнит, ты идёшь в туалет, обнимаешь унитаз и даёшь себе клятву никогда больше не пить.

А если он работает медленно?

Тогда ты как я.

Тогда алкоголь разносится по тебе ровно, без скачков, без подстав. Ты пьёшь, и он впитывается в тебя, как масло в старую губку. Ты не становишься счастливее, не становишься веселее, не превращаешься в дурака, который срывается в пляс. Ты просто... становишься собой.

А потом есть ALDH2. Это унитаз. Это то, что смывает последствия. Это то, что превращает ацетальдегид — токсичный яд, убивающий всех этих жалких смертных — в безобидную уксусную кислоту. Если этот ген работает плохо, ты обречён. Твой организм превращает алкоголь в яд, а потом забывает, что делать дальше. Ты спаиваешь себя до смерти просто потому, что твой биологический унитаз засорён.

Но если он работает хорошо?

Тогда ты как я.

Тогда ты пьёшь, и организм справляется. Печень трудится, как фабрика, и наутро ты просыпаешься не развалившимся куском мяса, а всё тем же парнем, который заказывает новую порцию виски, потому что как вы помните «вода вредная, в ней живут бактерии».

И вот в этом проклятие.

Потому что, если ты никогда не чувствуешь границ, ты просто продолжаешь пить. Дальше. Глубже. Без тормозов. Ты пьёшь не потому, что хочешь забыться. Не потому, что жизнь тебя сломала. Не потому, что у тебя есть детская травма, и ты заменяешь ей объятия матери.

Ты пьёшь потому, что можешь.

И рано или поздно твой ADH1B сдастся, твой ALDH2 скажет «да пошло оно всё», и ты просто... исчезнешь.

И вот в этом самая ирония. Ты не спиваешься, потому что слаб. Ты спиваешься, потому что сил слишком много. Потому что организм — отлаженный механизм, годами держит удар. Пока однажды не случается момент, когда алкоголь — не спасение, а просто фон. Когда пьёшь не ради облегчения, а потому что всё равно. Когда уже неважно, виски это или вода, потому что вкус жизни давно стерся.

Но не выпивка доконала меня. Не похмелье, не очередная ночь, которую я даже не пытался запомнить. Доконала работа. Стресс, который впился в меня мертвой хваткой. Адреналин, который не выключался даже во сне. Погоня, расследования, грязные улицы, по которым я топтался, зная, что правда никому не нужна, а справедливость — просто красивая сказка для наивных.

Последнее дело добило меня. Три месяца я собирал доказательства, выстроил идеальную цепочку связей, нашел свидетелей. Каждый вечер возвращался домой, неся на подошвах грязь чужих секретов. А потом один звонок сверху — и всё. «Есть политические нюансы, Нолан. Мы ценим вашу работу, но...».

Частный детектив во Флориде, которому повезло выжить в этой адовой парилке, но не повезло с нервами. В какой-то момент меня просто вырубил. Ни предупреждений, ни фанфар. Мой мозг решил: «Знаешь что, чувак, ты заебал. Пойду-ка я в отпуск». А потом темнота.

Очнулся в больнице. Стены цвета разбавленной надежды, воздух, пропитанный запахом дезинфекции и чужой боли.

Пульс за сотню, лицо — как у запечённого поросёнка, в руке капельница, и над мной склоняется кто-то, кто выглядит слишком... счастливым для этого места.

— Мистер Харт, доброе утро! — бодро говорит она, и мне хочется ей врезать. Только не потому, что она что-то сделала, а просто потому, что никто не имеет права быть таким жизнерадостным в моем присутствии.

Позже я узнаю, что её зовут доктор Лиза Маршалл, она психиатр, и, судя по её глазам, у неё реально было счастливое детство. Настолько счастливое, что она решила посвятить жизнь тому, чтобы спасать вот таких, как я. Хотя за 250 долларов в час, конечно, сложно назвать это исключительно самопожертвованием.

Доктор Маршалл сидела напротив, постукивая карандашом по колену — раз, два, три, пауза, и снова. Ритм, как у метронома, отсчитывающего время, которое я теряю в этом стерильном аду. Её каштановые волосы были собраны в небрежный пучок, из которого выбивались непослушные пряди, а на безымянном пальце виднелось светлое пятно от недавно снятого кольца. Она смотрела на меня не как на пациента, а как на загадку, которую хотелось решить.

«Агрессивное поведение, нестабильное эмоциональное состояние, административные нарушения...» — она это проговаривает, словно это всего лишь набор пунктов в чек-листе. «Рекомендую пройти обследование, и если вы хотите, чтобы ваша лицензия осталась при вас,

нужно предоставить медицинские заключения о вашей психической стабильности. Возможно, вам придется пройти дополнительные тесты и проверки, чтобы подтвердить свою пригодность для продолжения профессиональной деятельности. Всё достаточно стандартно, мистер Харт.»

Стандартно? Стандартно — это то, что происходит с другими людьми. Всё, что касается меня — уже давным-давно не вписывается в этот чёртов шаблон. Все что я хотел услышать это «Всё будет хорошо, мистер Харт, мы вам дадим таблетку и отпустим».

— А если я не пройду эти тесты? — спрашиваю я. Вопрос не для неё, скорее, для себя.

— В таком случае... — она подбирает слова, тщательно думает, насколько мягко можно презентовать мне информацию. — Ваши дальнейшие действия могут быть ограничены. И ваша лицензия, мистер Харт, будет приостановлена.

Не смотря на то, что я уже уверенно балансировал на грани психоза, я не стал включать режим «клиент, который вот-вот отправится на орбиту» и не начал орать что-то вроде: «Ты серьёзно? Ты хоть представляешь, через что мне пришлось пройти за последние месяцы? Меня убивают, ломают, выворачивают наизнанку, а ты мне тут про лицензии, проверки и медосмотры. Зашибись!» Я просто слушал её, как белый шум на фоне — раздражает, но не настолько, чтобы заморачиваться.

— Давайте начнем с того, чтобы поговорить о вашем состоянии. Расскажите о ваших чувствах.

— Блядь, я что, попал в клуб одиноких сердец?

Она делает вид, что не слышала, но ее взгляд на мгновение останавливается на моем горле, чтобы определить, насколько далеко я готов зайти в своих оскорблениях.

— Что вас беспокоит?

— О, я не уверен, что нужно начинать с этого. Может, мне просто сказать, что беспокоит вас?

Она кивает и что-то записывает в блокнот. Карандаш скользит по бумаге с тихим шорохом — маленькое насекомое, ползущее по сухой коре.

— Вы чувствуете печаль, грусть или пустоту?

— Мне до сих пор грустно, что Oasis распались. Не уверен, что когда-нибудь это переживу.

— Чувство вины?

— Однажды переехал белку. До сих пор снится.

— Тревога и раздражительность?

— Я спокоен. Только если не считать тот факт, что окружающие, похоже, участвуют в заговоре по проверке моей терпимости.

— Проблемы со сном?

— Только если на ночь посмотреть «Бэмби».

Она поднимает глаза от блокнота.

— Вы хотите сказать, что этот мультик вас тревожит?

— Обожаю оленину, но чувство стыда сжирает изнутри.

Пауза. Воздух в кабинете становится плотнее, но за окном все так же ярко светит солнце, безразличное к моему маленькому апокалипсису.

— Замедленное мышление?

— Ну, скажем так, с интеллектом у меня всегда были... сложные отношения.

— Изоляция?

— Я не могу сказать, что не люблю людей, но создаётся ощущение, что у некоторых жизненная миссия — бесить меня.

— Суицидальные мысли?

— Только когда осознаю, что «Титаник» мог бы закончиться за пять минут, если бы Роуз просто подвинулась.

Она снова откладывает блокнот и смотрит так, будто я у неё денег занял и забыл про это.

— Мистер Харт, это не шутки.

— У меня всё прекрасно.

— У вас эмоциональное истощение, панические атаки.

— Это называется «жить».

— Всё это может привести к серьёзным последствиям. Например, к депрессии.

Я закатываю глаза.

— Слушайте, мне не восемь, у меня нет СДВГ, я не гиперчувствительный миллениал, который боится телефонных звонков. Депрессия — это не болезнь. Это просто, когда жизнь напоминает говно.

Она улыбается. Не осуждающе, не жалостливо. Так смотрят на кота, который сидит перед миской и тупит, не понимая, что это его еда.

— Депрессия — это не выдумки. Но когда до вас это дойдет, возможно, будет уже поздно. Вам нужен отдых и смена обстановки.

Я открываю рот, чтобы ответить, но закрываю. Потому что в глубине души понимаю: она права.

Я реально не вижу ни одной причины просыпаться по утрам.

Глава 3

Поехать в Австрию было не самым очевидным решением.

Если быть честным, это вообще не было решением. Скорее, импульсом. Тем самым неконтролируемым желанием свалить куда угодно, где никто не будет задавать вопросов, не будет тыкать носом в «ваше эмоциональное истощение» и уж точно не будет заглядывать в глаза с этим чёртовым выражением «ты в порядке?».

Меня выдернул Роберт Нокс. Старый приятель, с которым мы когда-то пересекались по работе, пока он не сбежал в Европу «строить карьеру». Теперь он был кем-то важным в крупной страховой компании, руководил отделом аналитики данных, вникал в цифры, на основании которых чьи-то жизни превращались в проценты и коэффициенты риска.

Мы с Робертом познакомились во время работы в ФБР. Я был уже опытным агентом — пришел в Бюро после нескольких лет в полиции Майами. Он — вундеркинд, которого взяли сразу после колледжа и быстро перевели в наш отдел. Ненавидели друг друга первые полгода. Он считал меня динозавром с устаревшими методами, я его — высокомерным сопляком, который знает жизнь только по учебникам. А потом было дело Саттонов — три трупа, никаких зацепок, и мы застряли в заброшенном мотеле на двое суток, пережидая снежную бурю. Холод пробирался под кожу, а стены картонного домика дрожали под напором ветра. К утру третьего дня у нас была теория, которая в итоге спасла четверых потенциальных жертв.

Роберт ушел в частный сектор через пять лет, я продержался еще два, прежде чем послал начальство к черту и стал частным детективом. Но даже когда он перебрался в Европу, мы не теряли связь. Роберт знал обо мне то, чего не знали другие — например, как я на самом деле получил эту дырку в плече и почему не люблю говорить о Чикаго.

— У меня есть проблема, — сказал он сразу, без предисловий, как только я поднял трубку. Его голос звучал напряженно. — И я хочу, чтобы ты взглянул на неё.

— Роберт, если у тебя не сходится бухгалтерия, я тут ни при чём.

— Не бухгалтерия. Данные. Есть несостыковки, которые не должны существовать. И мне не нравится, как это выглядит.

— Ты работаешь в страховой. Там несостыковки — часть бизнеса.

— Именно. Но эти — не часть. Они... заставляют меня чувствовать, что что-то тут не так.

Я вздохнул. Из телефонной трубки повеяло холодком, слова Роберта принесли с собой порыв ледяного ветра из далекой Европы.

— И?

— И мне нужен кто-то, кто посмотрит на это со стороны. Кто умеет копать. Кто задаёт неправильные вопросы.

— И тебя не смущает, что я сейчас официально нахожусь в отпуске по психическому выгоранию?

— Нолан, ты из всех людей, которых я знаю, лучше всех работаешь, когда у тебя проблемы.

В этом он, возможно, был прав. Моя голова работала лучше всего, когда остальные части меня были на грани развала — как старый двигатель, который начинает шуметь только на максимальных оборотах.

Я не собирался никуда ехать. У меня не было желания вникать в чью-то паранойю. Но с другой стороны, перспектива зарыться в чужие загадки казалась куда привлекательнее, чем сидеть в четырёх стенах и ждать, пока моя жизнь снова начнёт иметь смысл.

Поэтому через два дня я уже сидел в самолёте, глядя в иллюминатор, пока за бортом сменялись часовые пояса. В голове крутилась одна-единственная мысль: «Если это окажется скучная корпоративная фигня, я убью Роберта.»

Самолёт коснулся земли, и внезапно весь груз, что я нес, будто соскользнул с плеч. Это было странное ощущение. Всё вокруг стало легче, но в груди оставалась какая-то незавершённая, тяжесть, с которой я не мог справиться. Чистый воздух, запах земли, и какое-то невидимое присутствие — всё было в тени чего-то необъяснимого. Я вылез из самолёта, как только он остановился, и тут же почувствовал, как меня охватывает эта странная пустота — пустота, что тянула меня за собой.

Я достал сигарету. Пальцы немного дрожали. Возможно, джетлаг, возможно, тревога, но больше всего — ощущение, что я просто не могу отделиться от этого ощущения нереальности. Глядя на город, я понял, что мне нужно подтверждение, что я действительно здесь. Что это не просто какая-то картинка из сна, что я не воображаю всё это.

Не успел я достать телефон, чтобы сообщить о своём приезде, как за спиной раздался голос.

— Не желаете прокатиться с ветерком?

Я улыбнулся. Этот голос был знаком до боли. Это был Роберт.

Он стоял в костюме, который идеально подходил для его целей, но совершенно не вписывался в атмосферу Вены. Строгий, но немного неуклюжий — в его одежде не было ни намёка на стремление быть «по-европейски стильным». Роберт никогда не стремился следовать внешним трендам, он был слишком уверен в себе, чтобы подстраиваться под чужие стандарты. И это было как раз то, что всегда выделяло его среди остальных. Он был человеком, который точно знал, как выглядит успех, но никогда не делал это своим главным посланием. Его уверенность, скорее, была скрыта под слоем привычных, почти рутинных дел, которые он выполнял на автомате, не привлекая к себе лишнего внимания.

— Надеюсь, полёт был комфортабельным, — произнёс Роберт, наблюдая, как я устраиваюсь на пассажирском сидении. — Я снял для тебя квартиру недалеко от Бельведера. Метро и железнодорожный вокзал рядом. Машина в Вене вообще не нужна. Здесь всё работает идеально, отличный общественный транспорт. Но если что, скажи, я тебе всё устрою.

Я промолчал, разглядывая проплывающий за окном город. Тяжелые венские здания давили своей монументальностью. В голове пульсировала тупая боль, а тревога, которую я надеялся оставить во Флориде, теперь заполняла меня изнутри, словно черная вода затопленный подвал.

Машина двигалась, а Роберт вел её так спокойно, что это начинало напоминать старую бабушку, которая осторожно пролетает по обочинам, избегая любого резкого движения. Его стиль вождения, даже если это было неосознанно, как-то напоминал его саму личность. Спокойный, ровный, немного застывший, но всегда уверенный в том, что он делает.

— Вена, на самом деле, невероятный город. Ты даже не представляешь, как тут красиво. Эти старинные здания, музеи... Вся эта архитектура и культура. Но что важно, здесь есть баланс. Всё настоящее, старое, но в этом есть гармония. Ты почувствуешь это сам, когда погуляешь, — он продолжал, но я едва сдержал раздражение.

— Ну да, как в рекламе, — сказал я, стараясь не перебивать. — Слушай, Роб, давай без этих любезностей. Я не приехал сюда смотреть на здания.

— Хорошо. Давай перейдём к делу — сказал он. — Я думал, что тебе нужно время, чтобы привыкнуть, но раз уж ты не хочешь узнать в какой музей нужно бежать в первую очередь, давай по делу...

Он замолчал на мгновение. За окном проплывали венские улицы — чистые, аккуратные — полная противоположность тому хаосу, который, судя по всему, творился в голове моего друга.

— Мы обнаружили несколько странных отклонений в наших данных, и я думаю, что ты должен это увидеть. Это не просто случайности, Нолан. Я на это смотрел несколько ночей подряд, и мне нужно, чтобы ты понял, что происходит.

— Отклонения? В чём именно? — спросил я.

— Последние три года я возглавляю отдел, который работал над созданием искусственного интеллекта для страховой аналитики. Компания вложила миллионы в эту разработку.

— Дай угадаю, — усмехнулся я. — Чтобы ещё эффективнее отказывать людям в выплатах?

Роберт бросил на меня укоризненный взгляд. Его глаза на мгновение стали холодными.

— Всё не так примитивно, Нолан. Система создана для предварительного андеррайтинга — проверки рисков. Она отслеживает все данные о клиентах: возраст, регион, типы страховок, история убытков и так далее. Каждый квартал мы делаем срезы. ИИ помогает выявлять действительно мошеннические схемы, а честным клиентам получать выплаты быстрее. Это не просто алгоритм — это почти разумная система для анализа рисков. И да, с помощью этого мы действительно снижаем страховые выплаты.

— И что пошло не так с твоим электронным мозгом? — спросил я, закуривая. Дым поплыл по салону автомобиля, напомнив мне туман над кладбищем.

Роберт заметно напрягся, пальцы крепче сжали руль, будто он пытался удержать не машину, а саму реальность от соскальзывания в хаос.

— Мы уже год проводим тестирование в реальных условиях. Результаты были впечатляющими — система безошибочно определяла мошенничество, оценивала риски, помогала сэкономить миллионы. Но недавно... — он сделал паузу, — ИИ выделил пять страховых случаев за последний год. Крупные выплаты, очень крупные. На первый взгляд всё выглядит как обычные несчастные случаи или естественные смерти. Но система пометила их как аномалии.

— То есть это не просто совпадение? — спросил я. — Какое-то внешнее воздействие? Или вообще кто-то манипулирует этими данными?

Роберт повернулся ко мне и коротко взглянул, как бы проверяя, понял ли я серьёзность ситуации. В его взгляде читалась тревога, смешанная с чем-то похожим на страх — эмоция, которую я раньше редко видел у своего всегда собранного друга.

— Вот в этом всё дело. Система утверждает, что вероятность пяти таких смертей при заданных параметрах нулевая. Проще говоря, ИИ считает, что кто-то намеренно устранил этих людей, замаскировав убийства под несчастные случаи или естественные причины. И один из случаев, кстати, уже официально признан убийством, но наш ИИ уверен, что полиция определила не того человека.

— Ты хочешь сказать, что ИИ не только находит убийства там, где полиция видит несчастные случаи, но ещё и считает, что следователи ошиблись с определением виновного? — спросил я с нескрываемым недоверием.

Роберт кивнул, но я видел, как его глаза всё больше наполнились тревогой.

— Послушай, Роберт, — сказал я, стараясь подбирать слова аккуратнее, — это звучит... мягко говоря, неправдоподобно. Машина против опытных детективов? Компьютерная программа против экспертов-криминалистов и следователей с многолетним опытом?

Я машинально потянулся к карману, где лежала небольшая пластиковая баночка — привычный жест, ставший почти рефлексом за последние недели. Роберт заметил это движение.

— Всё еще на таблетках? — спросил он без осуждения, просто констатируя факт.

Я выудил небольшой оранжевый флакон и покрутил его в руках. Белая этикетка с четкими черными буквами «Сертралин, 100 мг» казалась неуместно яркой в приглушенном свете автомобиля.

— Доктор сказала, что я должен выглядеть как нормальный человек хотя бы снаружи, — я криво усмехнулся, убирая флакон обратно. — Прописала месяц на этой дряни.

— И помогает? — в голосе Роберта звучало искреннее беспокойство.

— Как мертвому припарки, — отрезал я, отворачиваясь к окну.

На самом деле, в баночке были обычные витамины. Я переложил их из другой упаковки, сохранив этикетку от антидепрессантов, которые выписала доктор Маршалл. Маленький театр для всех озабоченных моим психическим здоровьем. Я не собирался глотать то, что превратит меня в улыбающегося зомби. И уж точно не собирался позволять химии притуплять мои инстинкты, особенно сейчас, когда они могли понадобиться.

— И почему это так критично для тебя? — спросил я, возвращаясь к теме разговора и внимательно наблюдая за его реакцией.

— Потому что я оказался между молотом и наковальней, Нолан. Если ИИ прав, и это действительно спланированные убийства, компания обязана выплатить огромные суммы семьям жертв. Страховка от убийства — это законные выплаты. Но репутационные риски колоссальные. К тому же, нужно будет передавать информацию в полицию, а это расследование, огласка...

— А если твой ИИ ошибается? — перебил я.

— Вот тут ещё хуже, — Роберт ненадолго отвёл взгляд от дороги. — Если система дала ложный сигнал, то весь проект, все эти годы работы и миллионы инвестиций — псу под хвост. Моя репутация будет уничтожена. Но хуже всего, что мы можем отказать в выплатах людям, основываясь на некорректных данных.

— И ты хочешь, чтобы я... что? Провёл независимое расследование? Подтвердил или опроверг выводы твоего электронного Шерлока Холмса?

— Именно, — кивнул Роб. — Мне нужен человек со стороны. Кто-то, кто не связан с компанией, кто умеет копать и не боится задавать неудобные вопросы. Кто увидит то, что могли пропустить и мы, и полиция.

Он жестом показал на бардачок, где я мог найти всё, что нужно для ознакомления.

— Там предварительные данные. Просто посмотри, чтобы ты понял, о чём речь.

Я открыл бардачок и достал папку с документами. Она была безупречно организована — пять тонких файлов, аккуратно сложенных, с цветными бирками в верхнем углу каждой страницы. Типичный Роберт: даже в потенциально смертельном заговоре всё должно быть каталогизировано и помечено.

На каждом листе были краткие данные о жертвах. Быстро просматривая файлы, я отметил разнообразие случаев: самоубийство женщины с передозировкой снотворного, пожилой мужчина с сердечным приступом, молодая женщина с передозировкой наркотиков, бизнесмен с внезапной аллергической реакцией и, наконец, убийство пенсионера, за которое полиция считает ответственным его наркозависимого внука.

Суммы выплат, отмеченные красным маркером, заставили меня присвистнуть. Но сами смерти выглядели настолько обыденными, что списать их на несчастные случаи и фатальные совпадения было самым логичным решением. Я видел сотни подобных случаев за годы работы.

— Но... всё это можно объяснить обычными причинами, — сказал я, перелистывая бумаги. — Самоубийство, сердечный приступ у пожилого человека, передозировка, аллергия, семейная драма с наркоманом... Почему ты так уверен, что тут что-то не так?

Роберт бросил на меня быстрый взгляд, какой бросает учитель на нерадивого ученика, не понимающего очевидного.

— Мы не говорим просто о статистике, — продолжил он, и его голос стал напряжённое. — Статистика — это как барьерная сетка: ты видишь то, что тебе нужно видеть, а всё остальное остаётся где-то там, в пустоте. Но мы начали видеть кое-что другое. Аномалии, которые складываются в узор.

Он закурил, медленно выдыхая дым, не спеша, как будто каждое слово требовало усилий.

— Все эти случаи, Нолан... Они кажутся разрозненными, не так ли? Но когда ты смотришь на них через призму данных, которые проанализировал наш ИИ, ты видишь шаблон. Мы говорим о людях, которые стали жертвами своих собственных слабостей — психологиче-

ские проблемы, возраст, зависимости, аллергии, семейные драмы. Это всё связано, но связано неочевидно. Понимаешь? Как если бы кто-то заранее знал их уязвимые точки. Как если бы кто-то использовал их личные проблемы, чтобы их смерти выглядели естественными.

Я вернулся к последнему файлу — случаю с убийством пенсионера. Самый простой случай из всех.

— Ладно, допустим. Но тут один случай уже официально признан убийством, — указал я на файл. — Полиция закрыла дело, посчитав виновным внука, который потом умер от передозировки. Что здесь может быть не так?

— Именно это, — Роберт постучал пальцем по фотографии мертвого внука. — ИИ проанализировал данные и выдал, что вероятность того, что этот человек — реальный убийца, почти нулевая. Система считает, что настоящий убийца не пойман.

— Подожди-ка, — я даже развернулся к нему. — Ты хочешь сказать, что твоя программа может определить, что профессиональные следователи, судебные эксперты и судья ошиблись? Что компьютерный код способен разобраться в деле лучше, чем люди, специально этому обученные?

Роберт не сразу ответил. Мои слова его явно задели, но он продолжил:

— Нолан, — сказал он, голос тихий, но твёрдый. — Я понимаю, что это звучит невероятно. Но факты остаются фактами. ИИ анализирует данные без эмоций, без предубеждений, без давления начальства, которое хочет закрыть дело поскорее. Он просто ищет закономерности и обнаруживает несоответствия. А в этом конкретном случае несоответствий слишком много.

Я присвистнул, захлопывая папку.

— Чудесно. Твой компьютер шпионит лучше, чем я. Скоро он будет писать мои отчёты и пить мой виски.

Роберт не улыбнулся.

— Это не шутки, Нолан. Если ИИ прав — это убийства. Если ошибается, весь проект — миллионы долларов — коту под хвост. И моя карьера вместе с ним. Но хуже всего... — он замаялся, — я не понимаю, откуда он берёт некоторые данные. Это как чёрный ящик. Даже наши инженеры не могут объяснить, как он делает выводы.

Он на мгновение замолчал, словно подбирая слова.

— То, что мы увидели, — это не просто набор цифр. Мы не можем закрывать глаза на то, что происходит. ИИ, статистика, алгоритмы — это просто инструменты. Но за ними стоят реальные люди. Реальные смерти. И если есть хотя бы один шанс из тысячи, что наша система права, я должен это проверить. Слишком многое стоит на кону.

Я глубоко вздохнул, чувствуя, как усталость накатывает тяжёлой волной. Хотелось просто отключиться, забыться хотя бы на пару часов. Но было очевидно — эта поездка в Вену не сводилась к обычной рабочей рутине. Здесь что-то было не так. И мне предстояло это выяснить.

Глава 4

Как только мы добрались до квартиры, Роберт сразу же исчез. Ушёл, оставив меня с чемоданом и толпой мыслей, которые бились между висками, как жуки в банке. Всё это — странное расследование, его разговоры о данных и аномалиях, всё это звучало как абсурд. Я был на грани того, чтобы просто забрать чемодан и уехать назад. Но что-то в голосе Роберта заставило меня остаться, что-то, что я не мог объяснить, даже себе. Странное чувство, будто бы кто-то зацепил меня за шиворот и не отпускал. Даже если я не хотел этого.

Квартира была маленькая, уютная. Я мог бы здесь остаться. Прожить. Окна выходили в тот самый двор, который видел все, что происходило в этом городе за сотни лет. Камни зданий хранили следы времени, запахи — кофе, книги, старость, смерть. Я мог бы раствориться в этом. Стать частью этих стен, частью города, который не спрашивает, почему всё так, как есть. Но нет. Пустота. Она окружала меня, тянулась следом, тенью, не дающей покоя. Фоновый шум в голове, нарастающий в моменты тишины.

Я уже знал, что не найду покоя. Ни завтра, ни через год. Ни в этой квартире, ни в какой другой. Для покоя в моей голове просто не существовало свободного места. Только шум. Непрерывающееся жужжание, напоминающее старый телевизор без сигнала. Я знал, что не смогу уйти от этого, сколько бы ни пытался. Потому что я зависим. От деталей. От сбоев в системе. От цифр, которые не сходятся. И каждый раз, натыкаясь на аномалию, я иду за ней. Инстинктивно, безнадежно, неизбежно. Мне плевать, чем это закончится. Главное — копать.

Я пошёл на кухню, открыл бутылку виски. Виски — это всё, что мне нужно было, чтобы заглушить это радио в голове хотя бы на время. Виски не спасает. Он просто делает этот шум фоновым. Менее яростным.

Как предусмотрительно со стороны Роберта, оставить бутылку моего любимого виски. Он знал, что мне понадобится инструмент самообмана.

Я налил полстакана и присел за стол. На нем лежали досье, оставленные Робертом. Лица погибших, сухие фотографии, от которых веяло пустотой. Даты, строки, медицинские отчеты. Я закурил, всматриваясь в предполагаемую случайность. Город за окном сливался с туманом, который был таким плотным, что сам воздух казался густым. Вена. Или то, что осталось от неё, когда город стал просто серым пятном в окне.

Я сидел в этой комнате, в этом странном, маленьком мире, который не был моим. Я знал, что всё это — не случайность. Я не мог уйти. Потому что... потому что я уже стал частью этой истории. И если бы я попытался скрыться, я бы всё равно вернулся. Потому что тень не отступит. Она будет висеть надо мной, даже когда я закрываю глаза.

Теперь нужно было понять, что происходит с этими смертями. Я достал блокнот и ручку — старая привычка времен работы в Бюро. Никакие цифровые заметки не заменят мне тактильного ощущения, как мысли переходят через руку на бумагу. Я начал выстраивать хронологию, отмечая ключевые детали, которые выбивались из общей картины.

Теперь нужно было понять, что происходит с этими смертями.

Я перечитывал данные снова и снова, ища в этих слипшихся строках что-то существенное. Соединял разрозненные факты, пытаюсь увидеть цельное отражение. Моя голова крутила тысячу несвязанных версий, и ни одна из них не складывалась в единую гипотезу, которая объяснила бы всё происходящее

Первая смерть — женщина из пригорода Вены. Одинокая, сорок лет, внешне абсолютно ничем не примечательная. Все как у всех. Но её жизнь была застрахована на сумму, от которой даже страховые компании начинают нервно поглядывать на свои бумаги. «Самоубийство» — гласило заключение. Но почему? Депрессии не было, не было алкоголя или наркотиков. Я внимательно изучил фотографии с места происшествя и медицинский отчет. Что-то не схо-

дилось. Концентрация снотворного в крови идеально соответствовала летальной дозе — ни больше ни меньше. Такая точность бывает разве что у фармацевтов или врачей. Я всмотрелся в фотографии запястий — едва заметные синяки, похожие на следы от захвата. В заключении об этом ни слова.

Следующий случай вызывал еще больше вопросов. Пожилой мужчина, шестьдесят пять лет. Регулярные проверки здоровья, сбалансированная диета, ежедневные прогулки — идеальный пример активной старости. И вдруг, через месяц после оформления страховки — сердечный приступ. Я перечитал токсикологический отчет. Никаких следов обычных ядов, но повышенный уровень дигиталиса — вещества из наперстянки. Врач списал это на прием добавок для сердца. Но такая концентрация могла бы убить лошадь. Перелистнув страницу, я нашел то, что искал — крошечный, почти незаметный след между пальцами ног. Его легко принять за укус насекомого.

В телефонных записях умершего я заметил серию звонков с неизвестного номера за неделю до смерти. Все примерно одинаковой продолжительности — меньше минуты. Слишком короткие для телемаркетинга, слишком регулярные для случайных звонков. Его банковские выписки показывали снятие пяти тысяч евро за три дня до смерти. Куда делись эти деньги, в отчете не указывалось.

Третье происшествие было с молодой женщиной. Карьеристка, которая казалась бы абсолютно не подходящей для такой трагедии — передозировка. Я внимательно изучил фотографии тела. Следы от инъекций, но что-то не складывалось. Под увеличительным стеклом обнаружили два разных следа. Первый след неровный, будто сделанный неумелой рукой, второй — идеально точный. В токсикологическом отчете отмечен нестандартный состав химического вещества — с примесями, нехарактерными для обычных медицинских препаратов. Смесь включала мощные седативные компоненты. Мое предположение: первая инъекция — неумелая попытка, возможно самостоятельного введения, вторая — профессиональное введение смертельной дозы уже в бессознательное тело.

Четвёртое происшествие касалось бизнесмена. Сорок семь лет, прекрасное здоровье, никогда не страдавший аллергией, внезапно умирает от анафилактического шока после ужина в собственном доме. Официальная версия — аллергическая реакция на пшеничный белок в хлебе.

Я усмехнулся, перечитывая медицинское заключение. Аллергия на пшеницу. Сейчас модно иметь проблемы с глютеном — дает отличный повод посещать дорогие магазины органических продуктов и рассказывать всем о своей диете. За последние годы количество «глютен-фри» диет выросло в геометрической прогрессии, хотя реальная непереносимость встречается у мизерного процента населения. Но здесь речь шла не о модном капризе, а о смертельной аллергии.

В отчете указывалось, что погибший съел ржаной хлеб, который якобы не должен содержать пшеницу. Я пролистал несколько страниц с подробным анализом хлеба. Умник-патологоанатом посвятил целый раздел различиям между аллергией на пшеницу и непереносимостью глютена. Медики обожают читать лекции даже мертвым.

Ржаной хлеб. Это не просто глупость — это идиотизм космического масштаба. Любой, кто хоть сколько-нибудь разбирается в пищевых аллергиях, знает, что большинство ржаного хлеба содержит пшеничную муку. Даже в чёрном хлебе часто присутствует 20—50% пшеницы. Но даже если бы хлеб был полностью ржаным, он почти наверняка был заражен следами пшеницы на производстве.

И главное — какой здравомыслящий человек с потенциально смертельной аллергией будет есть хлеб сомнительного происхождения? Почему рядом не оказалось автоинъектора с адреналином, который должен носить с собой каждый аллергик?

Я взглянул на фотографию с места происшествия. Стол, недоеденный ужин, бутылка вина, один бокала.

И, наконец, пятая смерть. Пенсионер из Братиславы. Застраховал свою жизнь на солидную сумму за неделю до гибели. Тело обнаружили с травмой головы. Полиция, верная своей привычке идти по пути наименьшего сопротивления, назначила виновным внука — наркозависимого, с богатой историей мелких правонарушений. Классический случай — убийство ради денег на дозу. Всё аккуратно закрылось, когда внука нашли мёртвым от передозировки в канаве через два дня.

Я долго всматривался в фотографию раны на голове пенсионера. Удар нанесен с хирургической точностью, прямо в височную долю. Слишком расчетливо для обезумевшего наркомана, которому нужны быстрые деньги. Такой удар требует знаний анатомии и хладнокровия профессионала.

В отчете о вскрытии внука обнаружили не только следы героина, но и скополамина — препарата, известного как «наркотик послушания». Он вызывает крайнюю внушаемость и потерю воли. В банковских выписках внука значился новый счет с депозитом в пять тысяч евро, открытый за два дня до убийства. Деньги сняты полностью в день смерти пенсионера.

Что привлекло моё внимание — помимо этих пяти случаев, в папке содержалась информация о страховом агенте, оформлявшем все полисы, кроме последнего. Пенсионер из Братиславы застраховался в местном филиале, с другим агентом. Остальные четверо имели дело с одним человеком — Моррисом Хоффманом, ведущим специалистом по страхованию жизни. Слишком много его клиентов в этом списке для простого совпадения. Я сделал отдельную пометку проверить его. Возможно, он просто был самым продуктивным агентом компании.

Я вернулся к изучению всех случаев, перечитывая детали снова и снова. И внезапно что-то щёлкнуло в моей голове. Я должен был сосредоточиться на двух случаях с наркотиками. Молодая женщина, умершая от передозировки, которая явно не вписывалась в её образ жизни. И внук пенсионера, который якобы убил своего дедушку, а затем сам умер от передозировки. Эти два случая соединяла невидимая нить. Возможно, именно они станут отправной точкой расследования.

А пока я сделал глоток виски, позволяя алкоголю медленно растекаться по венам. За окном Вена тонула в тумане, а я тонул в деталях этого странного дела, которое, я уже знал, не отпустит меня, пока я не доберусь до сути.

Глава 5

Знаешь, в чем разница между страховщиком и наркоторговцем? Наркоторговец хотя бы выполняет свои обещания.

Он может подсунуть тебе дозу, которую ты не просил, но если ты платишь, он тебе даст то, что обещал — наркотики. Всё просто. Страховщик же — он обещает тебе безопасность, уверенность, покой. А на самом деле он ставит тебя в клетку, где ты заплатил, но никогда не получишь то, что тебе причитается. Страховщик — это тот, кто обещает тебя спасти, а потом, стоя в дверях, с улыбкой говорит: «Извините, но по полису это не покрывается.» И всё. Он просто не существует, когда тебе нужна помощь. Страховщики — это те, кто живёт на страхах других людей, пожирает их и издевается над ними, заставляя платить за пустую страховку, которая спасёт тебя ровно настолько, насколько телефонный автопереводчик на горячей линии.

Но не только страховщики такие козлы. Люди вообще творят дичь ради денег. Они готовы разорвать себя на части, чтобы получить ту маленькую долю, которую обещали им за их несчастье. Они готовы на всё, даже на убийства. Например, была одна история, которую я не забуду.

В 2013 году в Мичигане 28-летний Джеймс Джонсон попытался убить своего сына ради страховой выплаты. У него были серьезные финансовые проблемы, и он понял, что в случае смерти ребенка страховка выплатит приличную сумму. Всё, что ему нужно было — это инсценировать смерть сына. Он решил утопить своего 4-летнего мальчика в ванной. На первый взгляд, это выглядело как трагический случай. Но Джеймс не учел одного: этот мир, в котором его жестокие планы казались реальными, был не таким, как он думал. Когда мальчик уже почти захлебывался, сосед услышал крики и успел вовремя спасти ребенка.

Джеймс был арестован, а позже признан виновным в покушении на убийство. Он думал, что всё будет легко. Он был готов растерзать свою собственную семью ради бумажек с изображением мертвых президентов. И эта сделка с дьяволом обернулась для него ещё большей потерей, чем он мог себе представить.

Мораль этой истории проста: деньги — это не всё, и они никогда не могут заменить человеческую жизнь и отношения.

Деньги — они как наркотик. Они заставляют людей ломать все свои принципы. Множество людей превращаются в чудовищ, когда дело касается денег. И именно эти чудовища делают систему такой, какая она есть. Они рвут её на куски, обирают, и в конце концов, деньги правят всем. Ты остаёшься один на один с кучей пустых слов и бумаг, и это не изменит ничего, кроме того, что ты увидишь, как мир вокруг сжимается, пока ты не окажешься в ещё большей клетке.

Я размышлял об этом, разглядывая файл с данными на столе. Имя: Мария Шмидт. 32 года. Вена, Австрия. Управляющая по корпоративным вопросам в международной компании. Статус — незамужняя, без детей. Образование — Венецианский университет, факультет бизнеса и экономики. Примерно так ты себе представляешь идеальную женщину в мире, где успех — единственное, что имеет значение.

Я перелистнул страницу. Хобби — йога по утрам, кулинария, путешествия, коллекционирование вин. Жизнь как глянцевая картинка. Но вот странность — за несколько месяцев до смерти она застраховала себя на колоссальную сумму. Страхование жизни и здоровья, покрывающее все активы и будущие финансовые риски.

Причина смерти — «случайная передозировка наркотиками».

Я поднял взгляд с документов и посмотрел в окно. За стеклом Вена плавилась в сентябрьской жаре. «Случайная передозировка». Звучит как оксюморон для человека с таким

контролем над жизнью. Контроль предполагает предсказуемость. А наркотики — полная противоположность.

Выгодоприобретатель — её близкая подруга Карин. По словам следствия, одна из последних, кто видел Марию живой. Я задумался. Зачем страховать свою жизнь на такую сумму ради подруги? Слишком много странностей. Очевидно, нужно поговорить с этой Карин.

Встречу организовать было трудно. Франц помог с этим — помощник, которого Роберт подкинул мне. Компания выделила его, как будто из большого списка по заказу. Худощавый, с пронзительными глазами, как у хищника, и лицом, на котором застыла вечная полуулыбка, как будто он знает что-то, о чём лучше не спрашивать. Знакомьтесь, Франц. Конечно, Франц. Если ты австриец и тебя зовут не Леопольд, не Вольфганг и не Франц, у тебя вообще были родители? Франц был бы идеальным персонажем для какой-то кукольной истории, где все такие натянутые, с манерами и без следов человечности, как если бы кто-то отдал ему инструкции и сказал: «Делай, как мы научили».

Кафе было обычным, таким, в котором никто не обращает внимания на тебя, пока ты не начнёшь выть от боли или кричать, что у тебя за спиной пистолет. Пахло слабым кофе, затхлым воздухом и странной смесью прокисших сэндвичей. Флуоресцентные лампы мигали как эпилептики на дискотеке, освещая потрескавшуюся плитку пола и столы, заляпанные кофейными разводами.

Карин явно нервничала. Это было слышно в её голосе — смесь страха и обиды, которую она не пыталась скрыть. Я сидел напротив неё в кафе, внимательно наблюдая за каждым её движением. Она вошла ровно в назначенное время — ни минутой раньше, ни минутой позже. Женщина, для которой пунктуальность была частью защитного механизма. Её глаза быстро осмотрели помещение, словно выискивая запасные выходы. Она боялась не просто разговора. Она боялась того, что я мог знать.

— Ты знала Марию? — спросил я.

Глупый вопрос для начала. Словно спросить у хирурга, знает ли он, где находится печень. Конечно, она знала Марию. Знала настолько хорошо, что могла получить от её смерти приличную сумму. Выгодное знакомство, ничего не скажешь. Я наблюдал за её лицом, ища малейшие признаки фальши. Горе легко имитировать для незнакомца. Гораздо сложнее поддерживать эту иллюзию, когда незнакомец начинает задавать неудобные вопросы.

— Да, конечно, мы с ней работали много лет. Мы были подругами... Она была мне как родная сестра, — Карин замолчала. Её глаза налились слезами. Она медленно опустила взгляд. — Я не верю, что это было самоубийство. Не верю, что она приняла наркотики. Она была слишком сильной для этого. Слишком живой.

Карин сжала в руке кольцо — простое, серебряное, явно давно поцарапанное, но бережно носимое. На внутренней стороне виднелась тонкая гравировка — что-то похожее на дату или инициалы. Она крутила его между пальцами, как католики крутят четки во время молитвы. Но это кольцо не давало ей утешения — оно напоминало о чем-то, что заставляло её руки дрожать еле заметной дрожью.

— Мы носили одинаковые, — сказала она чуть слышно. — Купили по глупости, в какой-то лавке в Зальцбурге. Сказали себе, что это на удачу... Она тогда пошутила, что это обручалки для двух карьеристок, у которых вместо парней — дедлайны.

Она провела большим пальцем по гладкой поверхности кольца, как будто стараясь нащупать в металле голос, дыхание, остатки её тепла.

— Она была сильной. Даже когда всё шло не по плану. Просто продолжала делать то, что считала правильным. — Карин выдохнула. — Я не могу поверить, что теперь её нет. Не могу.

Я спокойно кивнул, обдумывая её слова, и достал анкету, которую Мария заполнила для страховой компании. Аккуратно положил её на стол, надеясь, что это вызовет какую-то реакцию.

— Я знаю, что вы были одной из последних, кто с ней общался. Вы заметила что-то странное? — спросил я, скользнув взглядом по анкете.

Карин на мгновение замолчала, её взгляд был рассеянным, как будто она пыталась прокрутить в голове каждую деталь их общения. Оценивала, что можно сказать, а что лучше оставить при себе. Наконец, она подняла глаза и ответила.

— Она казалась встревоженной — в её голосе слышалась дрожь. — Она говорила, что беспокоится: если с ней что-то произойдёт, её семья останется без защиты.

Я заметил, как она сжала чашку кофе. Костяшки пальцев побелели.

— Семья? Я думал, у неё никого не было.

— Её родители. Они живут в пригороде Вены. У её отца диагностировали раннюю стадию болезни Паркинсона. Может быть, это объясняет её страхи и желание быть уверенной, что её родители будут не одни. Это всё делает её смерть ещё более нелепой. Наркотики? Нет. Она была слишком рациональной для этого. У неё всегда было всё под контролем. Работа, жизнь, даже отношения. У неё был чёткий план на будущее. Она просчитывала все возможные варианты — и плохие, и хорошие. Всё по пунктам. Она не была такой, как эти... «саморазрушители», как их там называют, которые опускаются до наркотиков, чтобы сбежать от проблем.

Я понял, почему она так защищает подругу. Тяжело признать, что не заметил, как твой близкий человек рушит свою жизнь. Легче найти оправдания и верить, что всё это могло быть случайностью. Я наклонился немного ближе

— А вы тот человек, кто мог бы выиграть от её смерти? — спросил я прямо, не скрывая намерений.

Карин замерла на секунду, но её взгляд не терял уверенности.

— Как бы вы не пытались это преподнести, я знаю, что это не так. Но, честно скажу: нет, я не выиграла бы от её смерти. Я не нуждаюсь в деньгах. А вот взять на себя ответственность за её родителей — это огромный труд. — Она сделала паузу, затем продолжила тише: — И, честно говоря, я не думаю, что её смерть — то, что она сама выбрала.

— Понимаю, — сказал я. — Но как вы объясните, что её смерть произошла именно от передозировки?

Карин сглотнула, её лицо побледнело. Она сжала пальцы на столе, так сильно, что костяшки побелели.

— Я объясняю это просто, — сказала она, прикусив губу. — У неё был очень строгий режим. Она не употребляла наркотики, но... она могла быть под давлением. Я не утверждаю, что ей кто-то заставил это сделать, но... да, в последнее время она переживала из-за своей работы. Она вела сложный проект, который требовал полной самоотдачи. А ещё она рассталась с парнем. Она всё время говорила, что он её преследует, что она чувствует себя в ловушке.

— Вы говорили об этом с полицией? — спросил я, пытаюсь понять, сколько ещё она скрывает.

— Да, говорила. Но, как вы сами подметили, это может выглядеть как попытка запутать следствие ради получения страховой выплаты, — она сделала паузу, и в её голосе появилась нотка тоски. — Да, она могла бы принять что-то, чтобы снять напряжение. Это могло быть что-то вроде сильнодействующих болеутоляющих или успокоительных. Не более.

Я посмотрел на Карин, затем снова вернулся к анкете.

— Это вполне возможно, — сказал я. — Но вы же знаете, что если страхуемое лицо погибает из-за наркозависимости или употребления наркотиков, это может исключить выплату по страховым полисам. Всё зависит от условий конкретной страховки.

Карин едва заметно покачала головой.

— Это не была смерть от наркотиков... это была насильственная смерть, но я к этому не причастна.

Я молчал, давая ей время осознать, что она только, что сказала.

Наркотики — это не просто зло. Это зло, созданное для удобства. Мы больше не нуждаемся в этих огромных плантациях в джунглях, где для выращивания требуются целые армии. Всё это теперь можно делать прямо здесь, за закрытыми дверями, в квартале, где всё кажется идеальным — с уютными домами, белыми занавесками и идеально подстриженными лужайками. Всё выглядит благополучно, но за этими стенами творится нечто совершенно иное — химические вещества, которые продаются под видом «таблеток счастья».

День за днём мы что-то принимаем. Преодолеть стресс, справиться с тревогой. Лекарства, стимуляторы, антидепрессанты. Все эти чудесные капсулы, которые превращаются в рецепты для уничтожения. А потом, если ты вдруг решишь выйти из этого круга, тебе скажут: «Да ты не зависим! Это не наркотики, это лекарство!» — как если бы всё в мире имело статус «легально — значит безопасно». Так просто дезинформировать, так легко строить свои убеждения на основе ложных стандартов.

И вот родные начинают осознавать, что то, что кажется обычным лекарством, на самом деле — опасная зависимость. Ты видишь это зло в глазах тех, кого любишь, и думаешь, что чем больше будешь объяснять, тем больше они будут осознавать. Сначала это просто таблетки для сна, потом снотворное, а потом — всё что угодно и ты не понимаешь, когда перестаёшь просто расслабляться, а когда уже не можешь остановиться.

Зависимость — это не горькая таблетка, которую ты проглотил. Зависимость — это когда ты каждый день идёшь в эту пропасть, а все вокруг улыбаются, думая, что ты на привычной волне благополучия. Но даже самые аккуратно спрятанные препараты рано или поздно найдут свой путь наружу.

Всё казалось идеально. Она — успешная карьеристка, вокруг неё — мир возможностей, амбиции, уважение. Каждый её шаг был шагом, который она сама себе проложила. Но потом что-то пошло не так. Начали появляться лёгкие намёки на странности в её поведении, которые становились всё более очевидными.

Мария Шмидт могла поддаться этому пороку, хотя и не сразу. Это не было ударом молнии — это был шёпот на фоне шумного мира. Шаг за шагом, сначала это были обычные болеутоляющие, потом — средства, помогающие забыть стресс на работе и в жизни. С каждым разом она всё больше поглощала антидепрессанты, которые теперь считаются обычным зельем для всей нации. Всё это продаётся как безопасные таблетки, и вот она, как тысячи других, начала принимать их, не думая о последствиях. Немного больше уколов, немного больше желания уснуть и не просыпаться.

Это не было любовью к наркотику. Это была утопия, которую она строила вокруг себя, пока не поняла, что уже не может выйти из неё. Мария поняла, что эта сладкая зависимость уже стала её ежедневной реальностью, когда она, вместо того чтобы почувствовать прилив энергии, в который она верила, начинала тонуть в своей же жизни.

Тот момент, когда она заполнила анкету для страховой компании, многое говорил о её состоянии. Она застраховала всё — свою жизнь, активы, даже своих родных. Но дело не в деньгах. Это был её способ обезопасить мир, который рушился внутри неё, как мозаика, где кусочки не могли найти своего места. Она утверждала, что всё будет в порядке, если с ней что-то случится. Она хотела, чтобы её семья была в безопасности, если это будет конец. Но что если она не верила в это? Может быть, наоборот, она пыталась найти выход через катастрофу, которая могла освободить её от того ужаса, который сжигал её изнутри?

Но вот что странно: следов долгого употребления не было. Всё выглядело так, будто она приняла наркотики всего один раз — молниеносно, как если бы она решила попробовать, а потом всё закончилось.

Это не похоже на типичный случай зависимости. Это не было результатом многолетней привычки.

И зачем страховая свою жизнь, не могла она быть настолько тупа, что не удосужилась хотя бы поверхностно ознакомиться с условиями договора?

Я вновь взглянул на Карин, в её глазах не было сомнений.

В глубине души я знал, что она права. Мария не выглядела человеком, который сам выбрал смерть. Весь её образ жизни, её привычки, её планы на будущее — всё указывало на то, что смерть была чем-то, что пришло извне. Чем-то, что кто-то спланировал.

Но тут было что-то еще. Что-то, что не попало в полицейские отчеты. Я вдруг понял, что смотрю на историю, которая была аккуратно упакована для публики, как рождественский подарок. Все углы сглажены, все ленточки на месте. Но внутри — совсем не то, что написано на этикетке. И Карин знала, что внутри. Может быть, даже положила это туда сама.

Я заметил, как Карин напряглась, когда я упомянул об исключении выплат при смерти от наркотиков. Это было ожидаемо. Но её тревога казалась глубже. Как будто она действительно боялась, что память её подруги будет запятнана.

— Вам стоит найти её бывшего парня и поговорить с ним, — предложила она, её голос немного ослаб, словно она теряла уверенность. — Он мог бы многое объяснить.

— Как его зовут? Где я могу его найти?

— Томас Райнер. Работает в том же здании, где и мы. Только он в IT-отделе. — Она посмотрела на часы. — Извините, но мне нужно идти.

Я наблюдал, как она покидает кафе, затем вернулся к изучению материалов дела, остановившись на фотографиях с места происшествия. Ванная комната Марии. Идеально чистая, даже после смерти хозяйки. На раковине — аккуратно сложенные полотенца, на полочке — баночки с косметикой, выстроенные по росту. Всё говорило о человеке, привыкшем к порядку.

Глава 6

Я вышел из кафе с головой, тяжёлой от вопросов и сомнений. Карин казалась искренней в своей скорби, но что-то в её рассказе цеплялось за мою интуицию — заноза, не дающая покоя. В словах о бывшем парне Марии, Томасе, я уловил тревожную ноту, мимо которой не мог пройти.

Мой следующий шаг был очевиден — найти этого Томаса Райнера и задать ему несколько вопросов. Преследующий бывший — классическая фигура в делах о странных смертях. Особенно когда замешаны крупные страховые выплаты. За годы работы я видел сотни подобных случаев. Статистика неумолима: в 30% всех убийств женщин виновен бывший или нынешний партнёр. И около 72% из них имеют финансовый мотив.

Я помнил дело в Майами — девушка оформила страховку, назначив выгодоприобретателем своего брата. Через две недели её тело выловили из залива. Следствие установило, что это её парень, узнав о страховке, решил помочь судьбе и получить деньги вместе с братом. В половине случаев деньги — корень зла. В другой половине — секс, власть или патологическая ревность, часто маскирующаяся под заботу. «Если я не могу быть с тобой, то никто не может».

Франц, этот вечно безупречный помощник, организовал мне доступ в ИТ-отдел компании, где работал Томас. Помещение находилось в новом крыле здания — современном, почти стерильном. Стекланные перегородки делили пространство на прямоугольные аквариумы, где вместо рыб плавали люди, уткнувшиеся в мониторы. Повсюду виднелись графики, строки кода, цифры, стекающие по экранам как зеленые потоки из «Матрицы».

Воздух был насыщен особым коктейлем запахов: свежесваренный кофе из автоматической машины итальянского производства, статическое электричество мониторов, легкий аромат дорогого парфюма, смешанный с кисловатым запахом пота людей, проводящих слишком много времени в замкнутом пространстве. У дальней стены примостились две пальмы в кадках — жалкая попытка внести жизнь в это королевство алгоритмов. Их листья покрылись тонким слоем пыли, растения сдались в неравной борьбе с искусственной средой.

Герр Вальтер Клейн, невысокий лысеющий мужчина с аккуратной стрижкой, представившийся начальником ИТ-отдела, встретил меня с той особой вежливостью, которая обычно означает нежелание сотрудничать. Его рукопожатие было влажным и слабым, как дохлая рыба. Он носил белоснежную рубашку с идеально отглаженным воротничком, галстук цвета индиго стягивал шею, делая её похожей на колбасу в тугой оболочке. Взгляд блуждал где-то между моим лицом и дверью — типичный признак человека, который уже планирует, как бы поскорее закончить разговор.

— К сожалению, мистер Харт, Томас Райнер больше не работает в нашей компании, — сказал он, сложив руки в замок на столе.

Его пальцы нервно подрагивали, как ножки паука, готового сбежать при первой опасности. На безымянном пальце блестело обручальное кольцо, до блеска натертое — странная привычка людей, которые несчастливы в браке, но изо всех сил пытаются доказать обратное.

— Когда он уволился?

— Около трёх недель назад, — Клейн посмотрел в свой планшет, будто там хранились все ответы вселенной. Экран отразился в его очках, превратив линзы в маленькие прямоугольники света. — Да, ровно через день после... того происшествия с Марией Шмидт.

Последние слова он произнес шепотом, как будто имя умершей могло призвать её дух прямо сюда, в пространство офиса.

Совпадение? Вряд ли. Совпадения случаются в романтических комедиях и рекламе шампуня. В реальной жизни за ними обычно стоит чей-то расчёт.

— Он объяснил причину увольнения? — я наблюдал за реакцией Клейна. Его правое веко начало подрагивать — микроскопически, но заметно для тренированного глаза.

— Сказал, что получил предложение от компании в Берлине, которое не мог отклонить, — Клейн пожал плечами с наигранным безразличием. — Что-то связанное с искусственным интеллектом и обработкой больших данных. Удвоенная зарплата, опционы на акции, служебная квартира. Мы не были особо удивлены — Томас всегда был амбициозным.

Клейн взял со стола хрустальное пресс-папье в форме додекаэдра и начал перекачивать его между ладонями, как будто пытался согреть. Стекло мягко поблескивало под флуоресцентным светом, бросая разноцветные блики на белый потолок.

— Он оформил увольнение по всем правилам? — я продолжал наблюдать за Клейном.

— Да, конечно, по всем правилам. Отработал две недели... — он запнулся, осознав ошибку. — То есть, нет. Он использовал накопленный отпуск вместо отработки. Всё было согласовано с HR.

Интересно. Человек планирует переезд в другой город, принимает заманчивое предложение о работе, но внезапно решает не отрабатывать положенный срок, а использовать отпуск? Либо предложение было настолько срочным, что требовало немедленного переезда, либо что-то заставило его бежать. И совпадение со смертью Марии делало вторую версию более вероятной.

— У вас есть его контактная информация? Новый адрес, телефон?

Клейн покачал головой, слишком энергично для человека, просто отвечающего на вопрос: — Боюсь, что нет. Он оставил только электронную почту для пересылки документов. Вся коммуникация была... минимальной.

Он произнес слово «минимальной» так, будто это само по себе было преступлением.

— А его коллеги? Кто-то поддерживает с ним связь?

— Не думаю, — Клейн поджал губы. — Томас был довольно замкнутым человеком. Профессионал в своём деле, но не особо общительный.

Я обвёл взглядом офис. Несколько программистов украдкой бросали на нас взгляды, делая вид, что полностью поглощены своими мониторами. Худощавый парень с залысинами и длинной шеей, напоминающей жирафа, быстро отвернулся, когда я посмотрел в его сторону. Девушка с ярко-розовыми волосами, собранными в высокий пучок, делала вид, что увлечена строчками кода, но её пальцы не двигались по клавиатуре.

— Кто-нибудь знал о его отношениях с Марией? — спросил я, кивнув в сторону наблюдающих коллег.

Клейн поморщился, как будто я заговорил о чём-то неприличном. Его лицо на мгновение приобрело цвет перезрелого помидора.

— Мы стараемся не вмешиваться в личную жизнь сотрудников, мистер Харт, — официальным тоном произнес он, выделяя каждое слово, будто зачитывал корпоративную политику. — Это непрофессионально и может создавать неловкие ситуации на рабочем месте.

— Я понимаю. Но всё-таки?

Клейн нервно поправил галстук, затянув его ещё сильнее.

— Послушайте, мистер Харт, — он понизил голос так, что мне пришлось наклониться ближе. От него пахло смесью зубной пасты и лёгкого страха. — Я не хочу распространять сплетни. Официально, как начальник отдела, я обязан говорить, что не вмешиваюсь в личную жизнь своих подчинённых. Но...

Он огляделся по сторонам, затем продолжил почти шепотом:

— Их отношения были... нестабильными. Насколько мне известно, они встречались около года. Мария работала в корпоративном отделе, четвертый этаж. Их пути пересекались на общих проектах. Она занималась интеграцией наших ИТ-решений с бизнес-процессами. Около трёх месяцев назад они расстались, и это было... не мирно.

— Что вы имеете в виду?

— Томас стал рассеянным, раздражительным. Дважды срывал дедлайны, что раньше с ним никогда не случалось. А однажды... — Клейн занервничал ещё больше, теребя ручку в руке. — Однажды Мария пришла к нему в отдел. Они ушли в конференц-зал. Мы не слышали, о чём они говорили, но это точно не был приятный разговор.

Я кивнул и протянул свою визитку. Клейн взял её двумя пальцами, будто это была не картонка с контактными данными, а радиоактивный образец.

— Если вдруг Томас свяжется с вами или вы вспомните что-то важное, пожалуйста, позвоните мне.

— Конечно, мистер Харт.

Выйдя из офиса, я остановился в коридоре и глубоко вдохнул. Воздух здесь был немного живее, чем в ИТ-отделе. Я достал телефон и позвонил Францу.

— Мне нужна вся информация о Томасе Райнере, — сказал я, направляясь к лифтам. — Всё, что можно найти. Последнее место жительства, телефоны, email, социальные сети, банковские транзакции, записи с камер наблюдения. Особенно меня интересуют последние две недели перед увольнением. Общался ли он с кем-то необычным, делал ли крупные покупки, искал ли что-то в интернете. Я хочу знать, что он ел на завтрак и какого цвета были его носки в день увольнения.

— Будет сделано, мистер Харт, — ответил Франц с той же механической точностью, с которой он делал всё остальное. Его голос напоминал GPS-навигатор — бесстрастный, ровный, с идеальной дикцией. — Сколько времени у меня есть?

— Вчера, — ответил я и повесил трубку.

«Вчера». Безупречно остроумно, Нолан. Хренов супер-детектив с оригинальными шутками и полным отсутствием такта. Иногда я раздражал сам себя своей привычкой отвечать банальными фразами из дешёвых детективов. Какой нормальный человек говорит «вчера» вместо того, чтобы просто сказать «как можно скорее»? Только тот, кто слишком много смотрел Хамфри Богарта и слишком мало общался с живыми людьми.

Я вернулся в свою съёмную квартиру и разложил на столе всё, что у меня было по делу Марии. Фотографии, отчёты, страховые документы. Хаос бумаг отражал хаос мыслей в моей голове. Я чувствовал, что в этом калейдоскопе фактов должен быть узор, просто я ещё не нашел правильный угол зрения.

Я выстраивал хронологию событий, раскладывал факты на временной шкале, пытаюсь увидеть невидимые нити, связывающие смерть Марии с исчезновением Томаса. Изучал медицинский отчет о передозировке, сравнивал его с другими случаями, искал несоответствия, нестыковки, любые подсказки о том, что это было не самоубийство и не случайность.

Через два часа, когда глаза уже начали слезиться от напряжения, а шея затекла от неудобной позы, позвонил Франц.

— У меня есть информация о Томасе Райнере, мистер Харт, — его голос звучал так же бесстрастно, но в нём проскользнула нотка, которую я раньше не слышал. Что-то похожее на... гордость?

— Я весь внимание, — ответил я, переключая телефон на громкую связь и продолжая перебирать фотографии.

— Он действительно уволился на следующий день после смерти Марии Шмидт. Сдал ключи от своей съёмной квартиры в доме на Гумпендорфер Штрассе, 157, в тот же день. Его домовладелец описывает его как тихого, аккуратного жильца, который всегда платил вовремя. В день отъезда Томас выглядел «нормально», ничего подозрительного хозяин не заметил.

Франц сделал паузу, чтобы перевернуть страницу своих записей. Я мог представить, как он сидит за идеально организованным столом с аккуратной стопкой бумаг.

— Его кредитная карта была использована для покупки билета на поезд до Берлина на 17:30 в тот же день. Он также снял 500 евро наличными из банкомата на Западном вокзале. Однако, — в голосе Франца впервые появилась эмоция, что-то похожее на удовлетворение, — в Берлин он не прибыл. По крайней мере, не на том поезде.

— Как ты это определил? — спросил я, заинтригованный внезапной эффективностью Франца. — И вообще, откуда у тебя доступ ко всей этой информации? Это же банковская тайна, записи с камер наблюдения, персональные данные...

На линии повисла короткая пауза, затем Франц произнес с легким замешательством:

— Я бы предпочел не уточнять методы сбора информации, мистер Харт.

Я решил не давить. Каждый, кто выполняет грязную работу, имеет право на свои маленькие секреты. Я и сам не всегда следовал протоколу, когда речь шла о расследовании.

— Хорошо, продолжай. Как ты понял, что он не прибыл в Берлин?

— Я просмотрел записи камер на Берлинском вокзале за время прибытия поезда. Проанализировал всех пассажиров. Томаса среди них не было. Более того, его телефон перестал подавать сигналы примерно через час после отправления поезда, в районе города Санкт-Пёльтен. И никаких следов его пребывания в Берлине я не нашёл — ни банковских транзакций, ни использования медицинской страховки, ни регистрации в отелях. Он просто испарился.

— Он исчез, — констатировал я, откидываясь на спинку стула.

— Совершенно верно, мистер Харт, — в голосе Франца слышалось удовлетворение человека, хорошо выполнившего свою работу.

— Какие-нибудь крупные снятия со счёта перед исчезновением? Подозрительные покупки? Активность в социальных сетях?

— Никакой нестандартной активности перед отъездом. Никаких крупных снятий, кроме обычных трат на еду, счета, одежду. В социальных сетях он был неактивен с момента отъезда из Вены. Его счета в банке не закрыты, но операций по ним нет.

— А что насчёт родственников, друзей? Кто-нибудь заявлял о его исчезновении?

— Родители проживают в Мюнхене — Эрих и Хельга Райнер. Отец — преподаватель физики в гимназии, мать — бухгалтер. Сестра Ева — в Гамбурге, работает архитектором. Никто из них не сообщал в полицию о его исчезновении. Я связался с ними, представившись сотрудником компании... — он помедлил, как будто не был уверен, стоит ли признаваться в этом.

— Продолжай, — подбодрил я, пропустив мимо ушей то, что Франц, вероятно, нарушил несколько законов о персональных данных.

— Его мать сказала, что Томас позвонил им после увольнения, сообщил о новой работе в Берлине и пообещал заехать к ним в ближайшее время. Но... он так и не приехал. Они не беспокоились, потому что, по их словам, «Томас всегда был самостоятельным» и «иногда пропадает на несколько недель, когда занят работой».

Я задумался. Человек не просто меняет город и работу — он исчезает. Никаких следов, никакой активности. Либо он очень не хочет, чтобы его нашли, либо...

— Пробей информацию о неопознанных телах в Австрии, Германии и соседних странах за последние три недели, — сказал я Францу. — Мужчины от 30 до 40 лет, соответствующие его телосложению.

— Вы думаете, что с ним что-то случилось?

— Я думаю, что это уже слишком много совпадений — ответил я

Франц помолчал, затем произнёс:

— Я найду всю информацию, мистер Харт. И... есть ещё кое-что. Незадолго до исчезновения Томас провёл несколько часов в библиотеке. Изучал что-то в разделе фармакологии. Я пытаюсь получить доступ к логам компьютеров, которыми он пользовался.

— Франц, — я не смог сдержать удивления, — твоя осведомлённость впечатляет. Ты уверен, что до работы с Робертом не был в какой-нибудь спецслужбе или хотя бы частным детективом?

— Я бы предпочёл не уточнять, мистер Харт — его голос звучал слегка самодовольно.

— Хорошая работа, Франц. Дай мне знать, если что-то найдёшь.

Я повесил трубку и налил себе виски. Янтарная жидкость мягко переливалась в хрустальном стакане, бросая тёплые блики на стол. Я сделал глоток, и алкоголь обжёг горло, спустился по пищеводу, растекаясь теплом в желудке. Как всегда, никакого эффекта — только тепло и механическое удовольствие, как будто мой мозг научился имитировать ощущение опьянения, не испытывая его на самом деле.

Телефон завибрировал на столе — сообщение от Роберта: «Нужно поговорить. Есть новая информация о деле. Приезжай в офис, когда сможешь».

Я допил виски и отправил ответ: «Буду через полчаса.»

Я надел пиджак, проверил, на месте ли записная книжка и ручка, и вышел на улицу. Венский воздух был пропитан влагой — недавно прошёл дождь, и улицы блестели как полированные, отражая огни вечернего города.

В офисе Роберт выглядел напряжённым. Он барабанил пальцами по столу — быстрый, нервный ритм, напоминающий азбуку Морзе, передающую сигнал SOS. На его лбу выступила испарина, а галстук был ослаблен — верный признак длительного стресса.

— Что случилось? — спросил я, усаживаясь напротив.

— Мария Шмидт — тупик, — сказал он. — Полиция закрыла дело. Официальная версия — передозировка. Страховая компания отказывается выплачивать денежную компенсацию.

Роберт открыл рот, чтобы продолжить, но дверь его кабинета распахнулась без стука. В проёме возник высокий мужчина лет шестидесяти с безупречно подстриженной седой бородой и внимательными серыми глазами. Он был одет в дорогой костюм цвета антрацит, который, казалось, был сшит специально для его подтянутой фигуры.

— Роберт, ты не ответил на мои звонки. Мы должны обсудить квартальный отчёт для... О, у тебя посетитель.

Голос у него был глубокий, с тем едва заметным акцентом, который выдаёт человека, выучившего несколько языков в престижных школах. Он окинул меня быстрым, но цепким взглядом, от которого не ускользнула ни одна деталь — ни мой помятый пиджак, ни трёхдневная щетина, ни усталый вид.

— Джек, — Роберт вскочил на ноги, — познакомься, это Нолан Харт, мой старый друг из Штатов, о котором я тебе рассказывал.

— А, тот самый легендарный детектив, — улыбнулся Джек, протягивая мне руку. Его рукопожатие было крепким, но не агрессивным — уверенность человека, привыкшего к власти. — Джек Риверс, директор аналитического отдела. Роберт говорил, что вы помогаете с расследованием наших... аномалий.

Последнее слово он произнёс с едва уловимой насмешкой, которая не ускользнула от меня. В его интонации я услышал то же снисхождение, с каким учитель говорит о фантазиях нерадивого ученика.

— Именно так, — я ответил, глядя ему прямо в глаза. Его зрачки были удивительно маленькими для помещения с приглушённым светом — либо следствие отличного зрения, либо признак длительного приёма определённых лекарств.

— И как продвигается охота за призраками? — спросил Джек, присаживаясь на край стола Роберта. — Нашли доказательства всемирного заговора?

Роберт заметно напрягся.

— Мы работаем над анализом данных, Джек, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал профессионально. — Пока рано делать выводы, но статистические аномалии определённы...

— Дорогой мой, — Джек мягко перебил его, поднимая руку в успокаивающем жесте. Золотые запонки на его манжетах тускло блеснули в свете ламп. — Мы с тобой достаточно давно работаем с цифрами, чтобы знать: иногда совпадение — это просто совпадение. В страховом бизнесе мы имеем дело с тысячами случаев ежегодно. Статистически неизбежно, что некоторые из них будут выглядеть подозрительно.

Он повернулся ко мне, одарив улыбкой, которую можно было бы назвать отеческой, если бы не холод в глазах.

— Не поймите меня неправильно, мистер Харт. Я ценю опыт профессионалов, особенно с вашей репутацией. Но мой протеже, — он дружески положил руку на плечо Роберта, слегка сжав её в жесте, больше напоминающем предупреждение, чем поддержку, — иногда склонен видеть закономерности там, где их нет. Это делает его отличным аналитиком, но иногда...

Он на мгновение замолк, оценивающе глядя на меня, затем добавил с внезапной теплотой:

— Тем не менее, я очень рад, что именно вы взялись помочь нам выяснить правду. Если здесь действительно что-то есть — лучше знать об этом. А если нет — тоже полезно получить подтверждение от профессионала вашего уровня. В любом случае, компания только выиграет от вашего независимого взгляда.

Я внимательно наблюдал за его лицом. Слова были правильными, дружелюбными, но глаза оставались настороженными. Внезапная смена тона настораживала больше, чем открытый скептицизм. Классический прием — сначала показать сомнение, затем резко переключиться на уважение и поддержку. Так делают люди, которые хотят усыпить вашу бдительность. В полицейской академии этому посвящён целый модуль «Техники допроса».

— Джек имеет медицинское образование, — вмешался Роберт, явно стараясь сменить тему. Капля пота скатилась по его виску, оставив влажную дорожку на коже. — До работы в страховом бизнесе он был неврологом. Его опыт помогает нам лучше оценивать медицинские риски.

Невролог. Интересно. Зачем Роберт вообще это упомянул? Словно пытался перевести разговор на профессиональные качества Джека, подальше от темы расследования. Или намекнуть мне на что-то? Среди всех медицинских специальностей именно неврология требует особого склада ума — способности видеть связи между симптомами, которые на первый взгляд кажутся несвязанными. Головная боль, покалывание в конечностях, внезапная слабость — для обычного человека это разрозненные жалобы, для невролога — элементы паззла, складывающиеся в диагноз.

Это заставило меня задуматься. Невролог мог бы знать множество способов воздействия на нервную систему человека, включая препараты, которые не оставляют следов при стандартном токсикологическом анализе. Случайная мысль, но нужно проверить биографию Джека более тщательно...

— Неврология научила меня одной простой истине, — Джек вновь улыбнулся, но глаза остались холодными. — Наш мозг эволюционировал, чтобы находить паттерны, даже если их нет. Это помогало нашим предкам выживать: лучше увидеть хищника в шорохе листьев и ошибиться, чем не заметить его и погибнуть.

Он говорил с уверенностью лектора, привыкшего к аудитории, которая внимает каждому его слову. Голос звучал мягко, но за этой мягкостью чувствовалась сталь.

— В моей профессии лучше ошибиться и увидеть убийство там, где его нет, чем пропустить настоящее преступление, — ответил я, не отводя взгляда. — Хищники в человеческом обличье не менее опасны, чем те, что прячутся в кустах.

Джек рассмеялся — коротко и сухо, как будто я сказал что-то забавное на поминках. Смех, не затрагивающий глаз — классический признак неискренности.

— Справедливо, мистер Харт. Однако, не забывайте, что для каждого настоящего убийства есть сотни естественных смертей. И тысячи совпадений, которые только выглядят подозрительно. Но в любом случае, я не буду вам мешать. — Он повернулся к Роберту. — Отчёт всё ещё ждёт твоего внимания. И совет директоров хочет видеть полную аналитику по восточноевропейскому сегменту к среде.

— Конечно, Джек, — Роберт кивнул с такой поспешностью, что это выглядело почти как подчинение. — Я всё подготовлю вовремя.

— Не сомневаюсь, — Джек направился к двери, но остановился и повернулся ко мне. В этом движении была отточенная грация хищника, который всегда готов к прыжку. — Было приятно познакомиться, мистер Харт. Надеюсь, ваше расследование принесёт какие-то плоды. Хотя, между нами, я считаю, что Роберт просто перегружен работой и видит призраков.

С этими словами он вышел, оставив после себя тяжёлый шлейф дорогого одеколона и ощущение неудобства.

Роберт выдохнул, только когда шаги Джека стихли в коридоре. Его плечи опустились, а взгляд прояснился, словно туман рассеялся.

— Извини за это, — пробормотал он, расслабляя узел галстука дрожащими пальцами. — Джек... он мой наставник. Умнейший человек, которого я знаю, но иногда бывает... резким.

— Он не верит в твою теорию о связанных смертях, — заметил я, наблюдая за реакцией Роберта.

— Нет, — Роберт покачал головой. — Считает, что я накручиваю себя. Может, он и прав, но... — Он беспокойно провёл рукой по волосам, оставив их в беспорядке, который только усилил его сходство с человеком на грани нервного срыва. — В любом случае, как продвигается расследование с твоей стороны?

— Пока рано судить, — я отпил из чашки с остывшим кофе. — Решил начать с дел, связанных с наркотиками. Есть определённые зацепки, которые стоит проверить.

— Ты уже заметил, что этот Хоффман был страховым агентом по всем делам кроме одного? — спросил Роберт

— Да, именно об этом я и думал. Тебе не кажется это подозрительным?

Роберт потёр переносицу жестом человека, страдающего от постоянной головной боли.

— Это информация по Хоффману, — сказал он, понизив голос. Его глаза быстро метнулись к двери, словно он ожидал, что та снова распахнётся. — Я собрал всё, что смог найти. Его личное дело, история клиентов за последние три года, график поездок, записи телефонных разговоров, которые проходили через офисную линию.

Я пролистал документы. На первый взгляд, история была простой. Моррис Хоффман, 45 лет, работает в компании более десяти лет. Стабильная карьера, постоянный рост продаж из года в год. Ничего, что могло бы вызвать подозрения. Кроме того факта, что четверо из его клиентов умерли при странных обстоятельствах в течение одного года.

— Слушай, Роберт, можешь организовать мне возможность ознакомиться с работой вашего ИИ? Хочу лучше понять, как он находит эти аномалии.

— Да, конечно. — Роберт кивнул. — Я попрошу Франца тебе всё показать. Лучше это сделать на выходных, когда в офисе никого нет. Итак, слишком много сплетен.

Я закрыл папку и встал.

— Случай с пенсионером и его внуком кажется наиболее простым для проверки. К тому же, это единственная смерть, где Хоффман не был страховым агентом. Может быть, это поможет понять, есть ли действительно связь между случаями или это просто совпадение.

— Думаешь, там что-то найдёшь? — в голосе Роберта смешались надежда и скептицизм. Я пожал плечами.

— Не знаю. Но сидеть здесь и перебирать бумажки бессмысленно. Мне нужно увидеть место происшествия, поговорить с людьми. Иногда стены рассказывают больше, чем свидетели.

Роберт кивнул.

— Будь осторожен.

— Ты не первый, кто мне это говорит, — усмехнулся я, вспоминая слова доктора Маршалл о моём эмоциональном состоянии.

Покидая офис, я бросил последний взгляд на Роберта. Он сидел, уткнувшись в свой компьютер, но его глаза были пусты, мысли блуждали где-то далеко. Я знал этот взгляд — взгляд человека, вцепившегося в факты, которые никто другой не считает важными. Взгляд, который я сам часто видел в зеркале.

По пути к лифту я размышлял о Джеке Риверсе. Что-то в его словах меня зацепило. Не само содержание — оно было логичным и разумным. А способ их подачи — слишком гладкий, слишком выверенный, как отрепетированная речь актера. Когда человек так старательно выглядит нормальным, обычно у него есть что скрывать. За безупречным фасадом часто прячутся самые тёмные тайны.

А тем временем, меня ждала Братислава.

Пока я ничего не знаю. Но каждый шаг, каждая новая деталь приближают меня к истине. Я люблю хорошую охоту, особенно когда добыча кажется неуловимой. В конце концов, именно погоня, а не поимка, делает жизнь интересной.

Глава 7

Я разложил файл на скрипучей кровати отеля. Фотография Яна Новака смотрела на меня с верхнего листа — морщинистое лицо с глубокими бороздами между бровями, которые бывают только у людей, проживших не очень долгую и не слишком счастливую жизнь. Шестидесят восемь лет — возраст, когда большинство уже списывают тебя со счетов, но ты все еще достаточно крепок, чтобы сопротивляться. Вдовец. Его жена умерла три года назад — рак, который съел ее за полгода. После этого Ян остался один в своей панельной квартире в Петржалке — самом депрессивном районе Братиславы, где бетонные многоэтажки распластались, как серые прямоугольные надгробия. Бывший инженер с завода, всю жизнь проработавший с механизмами, которые были более предсказуемы, чем люди. Как и положено технарю, он коллекционировал монеты, выращивал помидоры на крошечном балконе, по выходным ездил на озеро с удочкой. Гипертония, диабет — стандартный букет для его возраста. Несколько лет назад пережил инсульт, но восстановился полностью. И вот этот человек, с предсказуемой жизнью и размеренными привычками, внезапно заполняет страховую анкету за две недели до своей смерти. Страховка на сумму, которая могла бы изменить жизнь не одного человека. И выгодоприобретателем назначает не сына, а внука — Марека, наркомана с историей мелких правонарушений. А потом Яна находят мертвым в его квартире. Удар по голове, настолько точный и сильный, что смерть наступила почти мгновенно. Орудие так и не нашли. Полиция сразу зацепилась за Марека — он был в квартире в ту ночь, соседи слышали крики. Классический мотив: наркоман убивает ради денег. Но вот что интересно: на счету Марека за два дня до смерти деда появились пять тысяч евро. А через несколько дней после смерти деда Марека нашли мертвым в канаве — передозировка. Слишком много совпадений для одной истории. Слишком аккуратная цепочка событий. Я погрузился в детали дела, пытаюсь уловить то, что ускользало от меня — ощущение фальши, которое всегда предшествует разоблачению. За каждым идеальным преступлением всегда стоит несовершенный человек. И моя задача — найти в этой истории невидимые следы, оставленные кем-то, кто считал себя умнее всех.

Именно из-за него сегодня я оказался в Братиславе.

В зачуханном отеле, который даже на Booking рекламировался как «уютный и бюджетный». Перевожу: облезлые стены, кровать, пропитанная чужим потом, ковёр с пятнами, о происхождении которых лучше не задумываться, и портье с выражением лица, будто он уже видел твой труп, просто не знает, когда и где ты сдохнешь.

Братислава давила на меня со всех сторон, каким-то тяжелым, неизбежным присутствием. Я выглянул в окно. Улица внизу была как вскрытая вена — узкая, с темной жижей машин, медленно текущих сквозь жару. Мне казалось, что если прикоснуться к стеклу, оно растает под пальцами — настолько плотным был горячий воздух.

Петржалка, район, где жил Ян Новак, из окна не было видно, но я знал, что он там — за рекой, огромный муравейник из однотипных зданий, втиснутых между старыми фабриками и новыми торговыми центрами. Место, где люди не живут, а существуют. Где бетонные стены впитывают звуки ссор, детского плача и пьяных песен, но никогда не меняют своего серого цвета.

Хотя я заселялся один, портье, похоже, принял меня за парочку. Потому что только так можно объяснить его рвение расписать мне весь маршрут по достопримечательностям. Схема стандартная: вот замок, вот собор, вот мост, тут красивая площадь. Он даже нарисовал маршрут ручкой, обводя каждую локацию, пока я кивал и пытался не зевнуть ему в лицо. Минут через пять моё терпение начало сдавать.

— Я, эм... достопримечательности изучаю через алкоголь. — Портье тут же посмотрел на меня с уважением. Его тон сменился.

— Тогда вам в Lemontree & Sky Bar. Отличное место. Отличный вид. Или хотите что-то... попроще?

Вопрос с подвохом.

— Попроще, — сказал я. Он понимающе кивнул.

— Тогда идите в бар OLD time. И обязательно попробуйте боровичку. Это то, что пьют у нас.

Бар был туристическим. Это не угадывалось — это буквально повисло в воздухе. Сразу, как только я вошёл, меня окутала эта особая атмосфера места, где всё фальшивое — и улыбки барменов, и «аутентичный» декор, и даже пьяный смех посетителей. Интерьер в стиле «этническая хрень на стенах» — охотничьи рога, выцветшие фотографии, традиционные инструменты, которые никто никогда не использовал по назначению. Всё покрыто тонким слоем табачного налета.

Музыка — странный микс европейского техно и местного фолка, звучала так, будто диджей пытался угодить сразу всем и в результате разочаровал каждого. Звуки смешивались с гулом разговоров и звоном стекла так, что образовывали единый шум, похожий на морской прибой из кислотного сна. За столами — шумные компании, пары, несколько одиночек. В дальнем углу две хихикающие девушки с кислотно-розовыми губами и порхающими ресницами, спины прямые, как у балерин, а смех — отрепетированный, как у телевизионных актрис. Напротив них — группа бизнесменов средней руки, в недорогих костюмах с блеском от частой носки, галстуки сбились набок после третьего стакана. Их взгляды — тяжелые, оценивающие — скользят по залу, цепляются за женские силуэты и удерживают их, как крючки. У окна сидела молодая пара, застывшая в том молчании, которое наступает, когда все слова уже сказаны, а расставание — лишь вопрос времени. Они смотрели в разные стороны, будто каждый уже искал замену. Их напитки давно согрелись, но никто не решался встать и уйти первым.

Я сел у барной стойки. Под локтями — отполированное до блеска дерево, липкое от бесчисленных разлитых напитков и протерто тысячами рукавов. В металлической поверхности виднелись мутные отражения бутылок на полках — искаженные, как и все истории, рассказанные здесь.

— Боровичка, — сказал я, и бармен посмотрел на меня с лёгким удивлением. Он был из тех барменов, которые знают о людях больше, чем священники на исповеди. Тридцать с небольшим, но глаза — уставшие, выдавшие столько пьяных откровений, что хватило бы на десяток романов. Руки с аккуратно подстриженными ногтями двигались с автоматической точностью человека, для которого работа стала мышечной памятью.

— Пробовали? — спросил он, и в его голосе мне почудилось что-то похожее на уважение. — Не каждый турист заказывает местную настойку.

Я покачал головой. Он налил прозрачную жидкость в рюмку и поставил передо мной. В тусклом свете бара жидкость казалась неестественно яркой, словно светилась изнутри, как радиоактивные отходы в дешевом фантастическом фильме.

Я поднёс её к носу. Запах хвои. Лес после дождя. Хвойные иголки, нагретые солнцем. Детство. Не моё, конечно. Моё детство пахло чем угодно, но не хвоей. Скорее, дешевым виски отца и маминой тревогой, пропитавшей стены нашего дома. Я выпил. И это не просто обожгло горло. Оно разнеслось внутри меня ледяной волной, как морозный воздух, заполняющий лёгкие на вершине горы. Это не алкоголь. Это ёлочный спирт, дистиллированная сущность леса, очищенная от всего лишнего и усиленная до болезненной ясности. Бармен наблюдал, как энтомолог за редкой бабочкой. В его глазах читалось профессиональное любопытство.

— Ну как? — спросил он, протирая стакан полотенцем до скрипа. Я поставил рюмку обратно на стойку. Дерево издало глухой звук, когда стекло соприкоснулось с ним — как точка в конце предложения.

— Чувствуется, как Рождество. Если бы Рождество пыталось меня убить.

Бармен усмехнулся. Морщинки в уголках глаз собрались в паутинку — так часто он улыбался этой дежурной полуулыбкой.

Я поймал себя на том, что, как всегда, начал разговор на английском. Независимо от города, страны, континента — первая фраза вырывается именно на нём. Мой язык встроено по умолчанию, как заводские настройки. Включи меня в любой европейской столице, и я заговорю так, словно передо мной американец или хотя бы кто-то, кто смотрит Netflix без субтитров.

Английский — язык, на котором мир торгуется, судится, соблазняет и предаёт. Язык сделок, язык отказов, язык обещаний, которым никто не верит. Он не самый распространённый — 400 миллионов носителей против 920 миллионов китайцев, не самый древний — шумерский появился на 5000 лет раньше, не самый мелодичный — но попробуй сказать «нет» этому универсальному паролю в аэропорту, в гостинице, в баре. Даже если ты из страны, где все слова звучат, как древнее проклятие, где родной язык щелкает, цокает или выкрикивается из глубины горла, — тебе всё равно придётся сказать «Hello» или «Sorry, no English».

Настоящий лидер — это не тот, у кого больше последователей, а тот, за кем идут без принуждения. Так и английский. Ни у кого не спрашивали, хочет ли он, чтобы всё вокруг вертелось именно на нём, но вот ты стоишь перед барменом в Праге, Париже, Будапеште, где угодно, и автоматически выдаёшь: — One beer, please. Потому что иначе тебя не услышат. Или сделают вид, что не слышали.

В путеводителях пишут: «Выучите хотя бы пару фраз на местном языке. Местным будет приятно». Но давайте будем честными. Bonjour, Danke, Gracias — не спасут, если тебе нужно купить сигареты, заказать такси или объяснить таксисту, что ты не хочешь платить за крюк в 10 километров. Всё равно всё сведётся к английскому, и если ты его не знаешь — ты статистическая ошибка, сломанный NPC, фон, который никому не нужен.

И я подумал: чёрт, как же здорово, что мой родной язык — английский.

Представь, если бы я родился где-нибудь в Исландии. Или в Эстонии. Или, не дай бог, в Венгрии и вся твоя вселенная — это язык, на котором говорит три миллиона человек, и за пределами твоей крошечной страны он нужен только лингвистам-извращенцам. Ты растёшь, учишь слова, строишь предложения, читаешь книги, думаешь на этом языке, а потом пересекаешь границу и превращаешься в пыль. В пустоту. В человека, который может разговаривать только сам с собой.

Вот почему в Европе почти каждый говорит на двух, а то и трёх языках. Не из любви к лингвистике, не ради культурного обмена, а потому что иначе ты — турист в собственном мире. Потому что если твой язык не проигравший, то, как минимум, неудачливый.

Но есть разница между «говорить» и «понимать». Между «понимать» и «разбираться». Разница между официантом, который улавливает смысл твоего заказа, и человеком, который понимает, что ты на самом деле подписываешь. Одного знания слов недостаточно. Важно чувствовать нюансы — когда «да» означает «может быть», а когда «мы подумаем» означает «никогда».

Именно поэтому, когда начинается настоящее дело, всегда нужен кто-то, кто не просто переведёт, а прочтёт между строк и поймёт, о чём на самом деле идёт речь.

Я уже говорил, что компания выделила мне помощника — Франца. Он меня впечатлил своей поразительной способностью добывать информацию. Он будто имел тайный доступ к закрытым базам данных и умел превращать малейшие зацепки в полноценные досье. Франц был австрийцем, и это, конечно, важный момент. Австрийцы — хитрые ребята. Это они убедили мир, что Гитлер был немцем, а Моцарт — австрийцем. Они как настоящие фокусники: берут чужое, обворачивают это в блестящую упаковку, а потом заявляют, что это всегда было их. В итоге все смотрят на тебя, как на дурака, а ты не понимаешь, когда успел пропустить этот момент, когда всё перевернулось.

Франц говорит на немецком и английском. Причем его английский безупречен — до того отточен, что даже я иногда забываю, что это не его родной язык. Он мог бы жить в Бостоне или Чикаго всю жизнь, и никто бы не заподозрил неладное.

С моим немецким всё иначе. Он похож на пьяного туриста, заблудившегося в трех соснах и бормочущего что-то невразумительное. Я могу заказать пиво, спросить дорогу, но это как ходить на руках, когда все остальные используют ноги. Мой словарный запас — пригоршня монет разного номинала: вроде что-то есть, но никогда не хватает на то, что действительно нужно.

Можно, конечно, извращаться, пытаться общаться на двух языках одновременно, вставлять одно слово из одного, одно из другого. Это как носить трусы поверх штанов — технически возможно, но выглядит нелепо и никому не нравится. Но дело даже не в этом. След ведёт в Словакию, а здесь, оказывается, говорят не на немецком или английском. Здесь говорят на словацком — языке, в котором согласных больше, чем в учебнике фонетики, а правила произношения, похоже, придумывал пьяный лингвист на спор.

Для моего американского уха эти звуки — как шифр, который невозможно взломать без ключа.

Мне нужен кто-то местный. И, что особенно важно, кто-то не от компании — человек, который не будет докладывать о каждом моем шаге Роберту или, что еще хуже, этому скользкому типу Джеку.

В баре справа от меня сидел мужик. Лет сорока, может, больше. Из тех, кто когда-то был хорош собой, но жизнь его пожевала и выплюнула. Лицо потрёпанное, но взгляд цепкий. Щетина — седая, жёсткая, как стальная мочалка. Морщины пересекали лоб и собирались у глаз веером — следы тысяч улыбок или прищуров на ярком солнце. Вены на руках проступали синими реками, как корни деревьев на поверхности истощённой почвы. Его одежда была неприметной — темная куртка из потертой кожи, серая футболка, джинсы, которым было лет пять, не меньше. Такую одежду носят люди, которым плевать на моду или те, кто не хочет привлекать к себе внимание. Он сидел с таким видом, как будто это место принадлежало ему, хотя он вряд ли был здесь завсегдатаем — местные предпочитали бары без туристов. Когда наши взгляды встретились, он улыбнулся. И вот это что-то в его улыбке... что-то такое, что могло бы заставить любого почувствовать себя не в своей тарелке. Зубы слишком ровные, слишком белые, будто чужие — как идеальные протезы, вставленные в пасть хищника. Эта улыбка не соответствовала остальному облику, как дорогие часы на запястье бездомного.

— Ещё одну? — спросил меня бармен, будто не задавая вопрос, а просто констатируя факт.

Я кивнул.

Мужик с чужими зубами сделал знак бармену, показывая, что будет пить то же самое.

Жест был небрежным, но в нём чувствовалась привычная властность, как у человека, который всю жизнь отдаёт приказы без слов.

— Какими судьбами здесь? Чем занимаешься? — спросил он, не отрывая глаз от моего лица. Он явно не собирался позволить мне сбежать от этого разговора. Его взгляд был цепким, изучающим.

Я пожал плечами. Слишком банальный вопрос. Сегодня не было настроения быть вежливым, милым и тактичным. Вся эта поездка, это дело, этот бар — всё казалось частью какого-то странного сна, из которого я не мог выбраться.

— Скудный вопрос, — ответил я, пытаясь побыстрее свернуть эту светскую беседу.

Он ухмыльнулся, и в этом жесте было что-то от хищника, который заметил слабость жертвы. И этот взгляд... невозможно было понять, шутит он или серьёзно. В таких людях трудно различить, где заканчивается правда и начинается игра. Его глаза были тёмными, почти

чёрными в полумраке бара, как два колодца, в которых прятались истории, которыми лучше не делиться.

— Хорошо. Тогда... какое худшее дерьмо ты когда-либо творил? — спросил он, как будто это был тест на человечность или способ привлечь мое внимание. Голос у него был низкий, с легкой хрипотцой, как у человека, который много курил или часто кричал.

Я взял рюмку, приподнял её к губам и выпил залпом. Алкоголь пронёсся по горлу, согревая изнутри, жидкое пламя, распространяющее тепло до кончиков пальцев.

Затем я облизнул губы и улыбнулся — эта улыбка была не для него, а скорее для себя, личная шутка, которую никто больше не понял бы.

— Оно еще впереди.

Мой ответ его явно позабавил.

— Да. Вещи... имеют свойство развиваться, — сказал он. В его глазах сверкнул хитрый блеск. — Сегодня ты просто заказываешь выпивку, а завтра уже прячешь труп.

Ему явно доставляло удовольствие смотреть, как я на это реагирую. Как будто я — просто ещё одна игрушка для его веселья, эксперимент, наблюдение над которым развлекает его. Он играл свою роль — роль многозначительного и загадочного незнакомца в баре — с той выверенной небрежностью, которая выдавала в нём привычку манипулировать людьми.

Он снова сделал жест бармену, и нам наливают ещё.

Ещё одна порция.

Ещё одно продолжение этого театра абсурда.

— Твой тост, — сказал он, и его голос стал вдруг напряжённым, будто весь бар замер, и всё зависело от того, что я скажу.

Рюмка в его руке казалась продолжением пальцев, как будто он держал не стакан, а какое-то оружие.

Я посмотрел на рюмку. Прозрачная жидкость в ней отражала тусклый свет бара, превращая его в крошечные созвездия на дне. Маленький космос, который через секунду исчезнет внутри меня.

— Ладно. За вещи, которые имеют свойство развиваться, — сказал я.

Мы выпили. На этот раз боровичка не обожгла горло, а скорее окутала его теплом. Тело начинало привыкать к этому странному напитку, выработало первую стадию зависимости. Как и ко всему остальному.

— Так что ты делаешь в Братиславе? — да взгляд у чувака пронзительный, как рентген.

— Работа, — ответил я коротко, надеясь, что он уловит мое нежелание развивать тему.

— Какая? — он не отступал.

— Скучный вопрос, — повторил я фразу, чувствуя, как алкоголь начинает притуплять раздражение.

Он снова усмехается, и эта усмешка странным образом располагает к себе. В его глазах нет дружелюбие, но что-то в них есть, что заставляет продолжать разговор. Это как встреча взглядов с хищником в зоопарке — вроде бы безопасно, но инстинкт все равно кричит об опасности.

— Значит, ты один из этих.

Я даже не пытаюсь скрыть недоумение, но интересно, что он скажет.

— Каких?

— Которые предпочитают сначала напоить, а потом рассказывать.

Я пожимаю плечами, не уверенный, что хочу дальше копать в этом разговоре. Он явно промахнулся с выводами, но поправлять его не хотелось. Пусть думает, что хочет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.